

Арсений Моисеенко

«И ВСЕ ПРИ ТЕБЕ В ЭТОМ ДОМЕ ПОДРОБНЫ С УТРА»: ПАМЯТЬ О ПАСТЕРНАКЕ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

Моисеенко Арсений Дмитриевич, научный сотрудник факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, исследователь Центра изучения эго-документов «Прожито» Европейского университета в Санкт-Петербурге; amoiseenko@eu.spb.ru

Аннотация: В статье на основании архивных материалов и публикаций в периодических изданиях анализируются способы и формы реинтерпретации образа и наследия Б. Л. Пастернака, возникшие в годы перестройки. Для дискуссий эпохи гласности важным звеном стали события конца 1950-х гг.: публикация романа «Доктор Живаго» за рубежом, присуждение автору Нобелевской премии и последующая травля в СССР. Поскольку нарративы того периода основывались на «вскрытии» ошибок прошлого, история Пастернака характеризовалась как совокупность белых пятен. Соответственно, конструирование образа поэта происходило с использованием объяснительных схем виктимизации и героизации. В первой части статьи кратко обозначена инверсия связки «Пастернак — Живаго», кардинально изменившая изначальный общепризнанный нарратив. Также на примере обсуждений романа показано, как формировались новые правила ведения дискуссий и практики идеологического исключения. Во втором разделе демонстрируется, в каких формах выражалась политическая апроприация реабилитации наследия Пастернака. Третий посвящен описанию практик мемориализации, благодаря которым формировался канон памяти. В четвертом разделе кратко описывается история создания дома-музея Пастернака в Переделкино и борьбы различных акторов за пространство дачного поселка. Помимо анализа идеологических дискуссий перестройки

Moiseenko Arseniy Dmitrievich, Research Fellow of the History Department in European University at St. Petersburg, Researcher of Prozhito Center in European University at St. Petersburg; amoiseenko@eu.spb.ru

Abstract: The article analyzes the reinter-pretation methods and forms of the Pasternak's image, which was constructed during pere-stroika. The basis for the research was archi-val sources and periodical materials of the pe-riod. For discussions of the Glasnost era, an important component was the events of the late 1950s (publication of the novel "Doctor Zhivago" abroad, awarding the author the No-bel Prize and subsequent persecution in the USSR). Pasternak's history was characterized as a summation of blank spots. This was due to the fact that the narratives of the period were based on "revelation" the mistakes of the past. Accordingly, the construction of the poet's im-age took place using explanatory schemes of victimization and glorification. The first part of the article briefly outlines the inversion of the Pasternak-Zhivago signifier, which radi-cally changed the original "generally accept-ed" narrative. Also, using the example of dis-cussions of the novel, it is shown how new rules for conducting discussions and the prac-tice of ideological exclusion were formed. The second part demonstrates the forms in which the political appropriation of the rehabilita-tion of Pasternak's legacy was expressed. The third paragraph is devoted to a description of the memorialization practices through which the canon of memory was formed. The fourth paragraph briefly describes the history of the creation of the Boris Pasternak's Museum in Peredelkino and the struggle of various actors for the space of the dacha village. In addition to analyzing the ideological discussions of per-estroika about Pasternak, the article raises the

о Пастернаке в статье ставится вопрос об эвристической значимости перedelкинско-го кейса для расширения представлений о «дискурсивных войнах» периода.

Ключевые слова: перестройка, гласность, литература, Пастернак, Доктор Живаго, Перedelкино, исторические нарративы, память.

DOI: 10.333280/3034-3216.2024.33.59.008

question of the heuristic significance of Peredelkino's case for expanding ideas about the "discursive wars" of the period.

Keywords: perestroika, glasnost, literature, Pasternak, Doctor Zhivago, Peredelkino, historical narratives, memory.

Arseniy Dmitrievich Moiseenko

«Everybody in the house is impregnated in the morning with you»: Memory about Pasternak during Perestroika

10 февраля 1990 г. в 11:55 и 21:55 по «Первой программе» ЦТ был показан литературно-музыкальный спектакль «Борис Пастернак. К 100-летию со дня рождения», поставленный на сцене Большого театра¹. Во вступлении к основной части А. Вознесенский, процитировав узнаваемые строки из «Зимней ночи», заключал:

«Сегодня мы зажигаем живую свечу Бориса Пастернака. Ею поэт в романе своем озарил гибельную судьбу отечественной интеллигенции. ... О чем говорит сегодня свеча Пастернака? ... Это свеча нашей культуры и мировой интеллигенции. ... И все-таки это заздравная свеча, не только поминальная; это свеча победы духа над всеобщей тьмой; одинокой человеческой тьмы над всеобщим неразумом»².

Подобное признание значимости наследия Пастернака было немыслимо еще за несколько лет до его юбилея. Скандал, связанный с публикацией «Доктора Живаго» за пределами СССР и присуждением Нобелевской премии писателю, предопределил его частичное забвение. Политический конфликт, травля и последующий интерес зарубежной общественности сделали из поэта персону, вытесненную за пределы официальной советской литературы, превратив его в предателя. Но перестройка изменила положение вещей. Для «революционного обновления»³

1 Программа телепередач // Правда. 1990. № 41 (10 фев.). С. 6.

2 Телевизионный литературно-музыкальный спектакль «"Борис Пастернак". К 100-летию со дня рождения» (Главная редакция литературно-художественных программ ЦТ, 1990).

3 Такой оборот неоднократно использовался в текстах эпохи как синоним термина «перестройка». См.: Горбачёв М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 31.

требовались сакральные фигуры, чей образ оказывался сопряжен с критикой бюрократизма и злоупотреблений в прошлом, переосмыслением репрессий и забвений, попытками понять, почему и как наша история свернула «не на ту дорогу».

Необходимо отметить, что существует ряд качественных исследований об истории публикации «Доктора Живаго» за рубежом, травле Пастернака и контексте смерти поэта. В рамках этих тем достаточно основательно описаны художественные контуры «Доктора Живаго»⁴, детали кампании общественной критики⁵, место романа в контексте литературы 1940–1950-х гг.⁶, влияние произведения и событий вокруг него на интеллигентскую среду⁷ и общественно-политическую ситуацию⁸ и т. д. В сети можно найти ряд статей о судьбе Пастернака и его романа. Причем нередко такие публикации не уступают в качестве и академическим. Это свидетельствует о том, что «Пастернак в 1950-е» представляет собой достаточно хорошо изученную тему, плотно вошедшую в массовый оборот. Другое дело разговор о реабилитации поэта в годы перестройки, который и в исследовательском, и в научно-популярном, и даже в сетевом пространстве текстов остается большим белым пятном с редкими вкраплениями, нередко заполненными лишь непосредственными участниками тех событий. Надеюсь, что настоящим текстом мне удастся заполнить существующие лакуны репрезентативными сюжетами о годах первого официального издания «Доктора Живаго» в СССР и «возвращения» Пастернака на родину.

4 Например, см.: *Kelly M. Cultural Transformation as Transdisfiguration in Pasternak's Doctor Zhivago // Russian History. 2013. Vol. 40. Is. 1. P. 68–89.*

5 *Zubok V. Zhivago's children. The Last Russian Intelligentsia. Cambridge; Massachusetts; London, 2009. P. 1–87; Kozlov D. The Readers of Novyi Mir. Coming to Terms with the Stalinist Past. Cambridge; Massachusetts; London, 2013. P. 110–133.*

6 *Clark K. Russian Epic Novels of the Soviet Period // The Cambridge Companion to Twentieth-Century Russian Literature. New York, 2011. P. 135–152; Jones P. Myth, Memory, Trauma. Rethinking the Stalinist Past in the Soviet Union (1953–1970). New Haven; London, 2013. P. 88–96.*

7 *Весёлые С. За вашу и нашу свободу. Диссидентское движение в России. М., 2015. С. 53–72.*

8 *Taubman W. Khrushchev: The Man and His Era. New York, 2005. P. 361–395.*

Реинтерпретация связки «Пастернак — Живаго»

С началом эпохи перестройки и гласности советские читатели начали знакомиться с произведениями, которые ранее писались в стол или считались опальными. За период 1986–1987 гг. в толстых журналах были опубликованы стихи Н. Гумилёва, романы А. Бека, Ч. Айтматова, В. Дудинцева, В. Набокова и др.⁹ Еще одним предвестником потепления стал тот факт, что уже в начале 1987 г. на собрании Союза писателей СССР было принято решение об отмене исключения Б. Л. Пастернака¹⁰. На этой волне литераторам становилось очевидно, что не за горами и публикация «Доктора Живаго» в СССР. Причем об издании романа стало известно еще в феврале 1987 г., когда главный редактор «Нового мира» С. Залыгин обратился в комиссию по литературному наследию Б. Л. Пастернака, чтобы ее члены учли намерение журнала опубликовать произведение в первых номерах будущего года¹¹. Так и случилось, и в № 1–4 1988 г. «Доктор Живаго» оказался перед судом читающей общественности.

Важно понимать, что основные элементы нарратива о произведении до перестройки были сформулированы редакцией «Нового мира» в 1956 г., когда Пастернак получил официальный отказ в печати работы. Кратко их содержание можно свести к тезисам о том, что «Доктор Живаго» интерпретировался как: 1) роман-проповедь, в котором Октябрьская революция представлена как ошибка; 2) главный герой — патологический индивидуалист, который не может отождествить себя с народом и бороться с ним вместе за светлое будущее; 3) Живаго — предатель и двурушник¹². Совокупность этих компонентов в период травли была подхвачена идеологическим дискурсом эпохи, и таким образом был сконструирован важнейший нарратив, «приклеившийся» к автору до 1988 г.: Пастернак и есть Живаго, а потому

-
- 9 Блюм А. В. Закат Главлита. Как разрушалась система советской цензуры: документальная хроника 1985–1991 гг. URL: <http://opentextnn.ru/old/censorship/russia/sov/libraries/books/blium/index.html?id=3888> (дата обращения: 12.09.2021). Также см: Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М., 2009. С. 350–395.
- 10 Накануне столетия поэта // Литературная газета. 1987. № 9 (25 фев.). С. 6.
- 11 Письмо С. Залыгина А. Вознесенскому и Е. Пастернаку [12.02.1987] // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 379. Оп. 5. Д. 855. Л. 8.
- 12 Письмо редколлегии журнала «Новый мир» Б. Пастернаку // Литературная газета. 1958. № 128 (25 окт.). С. 2–4.

он «предатель», «внутренний эмигрант», оторванный от реальности, а также «сорняк индивидуализма в почве коллективизма»¹³. С такими ярлыками официально признанной интерпретации «Доктор Живаго» подошел к публикации в СССР.

Одним из первых ступивших на непроторенный путь построения новых объяснительных схем стал академик Д. С. Лихачёв, написавший для «Нового мира» предисловие к произведению. Важнейший тезис Лихачёва, который лег в основу большинства других идей: «Доктор Живаго» — не роман, а особый род автобиографического текста, возникший в результате невозможности рассуждать напрямую о судьбе России в эпоху революции.

Живаго в таком контексте характеризовался как лирический герой Пастернака, стихи которого были одновременно лирикой и героя, и автора. Отождествлению собственного «я» писателя с «я» героя отведено значительное место в статье. Так, Лихачёв называл Живаго «эманацией» Пастернака, выразителем его самого сокровенного. Более того, чтобы усилить наглядность подхода, использовалась актуальная и для контекста травли связка «Пастернак — Живаго». Но в случае с текстом Лихачёва смешение идентичностей позволяло заключить, что произведение не связано с попыткой дать реальную оценку исторического прошлого. Скорее речь идет об игре оптик и перспектив, с помощью которой автор пытался посмотреть на мир, воплотить свои чувства и переживания через призму Другого. В таком ключе произведение нарекалось «романом-эпопеей», «романом — лирическим стихотворением», являющимся «высоко-моральным поступком», показывающим «все, что происходит вокруг, через призму высокой интеллектуальности»¹⁴.

Новое прочтение связки «Пастернак — Живаго» отразилось и на художественных интерпретациях времени. Яркий тому пример — х/ф «Другая драма» (1989/1990)¹⁵, снятый компанией «Русское видео» совместно с британской фирмой. По сюжету этой

13 См., например: Провокационная вылазка международной реакции // Литературная газета. 1958. № 128 (25 окт.). С. 2; Заславский Д. Шумиха реакционной пропаганды вокруг литературного сорняка // Правда. 1958. № 299 (26 окт.). С. 4.

14 Лихачёв Д. С. Размышления над романом Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Новый мир. 1988. № 1. С. 5-10.

15 Х/ф «Пастернак» (Antelope Films, «Русское видео», реж. А. Некрасов, 1989). В СССР премьера состоялась под названием «Другая драма» в начале 1990 г.

работы судьбы Пастернака и Живаго демонстрируются на экране совместно. Однако они не идут параллельно и не синтезируются; скорее, речь идет о сопричастности каждой линии. То есть непосредственные предметы, ситуации, слова и поступки часто отсылают Живаго к Пастернаку и наоборот. При этом Живаго является лирическим выразителем того, что не удалось сказать самому автору; то есть героем, который как бы становится от-ветом на прожитое Пастернаком. Это произведение во многом основано на интерпретации Лихачёва и на пьесе Д. Самойлова «Живаго и другие», написанной для Театра на Таганке в 1987 г.¹⁶ Пьеса так и не была поставлена¹⁷, однако многие стилистические приемы, переработанные Самойловым выражения Пастернака или сами авторские заметки легли в основу фильма, приуроченного британским телевидением к 100-летию поэта.

Пересборка связи «Пастернак — Живаго» произошла инверсивно, что позволяло выкинуть из раннего сочетания дискурс о предательстве и встроить эстетическую подоплеку, выраженную в особом лирическом прочтении событий прошлого и в отказе от понимания событий как случившихся объективных фактов. Такая специфическая инверсия легла в основу значительной части критических заметок перестройки¹⁸.

При новых вводных осмысление «Доктора Живаго» и всех работ Пастернака оказывалось в широком пространстве общественно-политических дискуссий времени. Поскольку поэт столкнулся с травлей и был близок к представителям репрессированной

-
- 16 Самойлов Д. Живаго и другие [пьеса, 1987] // Над балаганом — небо. Поэзия и театр. М., 2015. С. 206–280. Машинописную копию 1987 г. с пометками автора см.: РГАЛИ. Ф. 1465. Оп. 3. Д. 84.
- 17 О том, почему так произошло см.: Бурденева Е. «Живаго и другие» (1987): непоставленная пьеса Давида Самойлова. URL: <https://hum.hse.ru/lyubimov/burdeneva/ozhivago> (дата обращения: 12.12.2022). Тем не менее, спектакль под названием «Тетрадь Юрия Живаго» был поставлен в Ленинградском театре драмы и комедии, о чем свидетельствуют кадры д/ф «Вспоминая Бориса Пастернака» («Центрнаучфильм», реж. Б. Головня, 1990) и строки из стихотворения А. С. Михайлова: *Михайлов А. С. Весь год я прожил Пастернаком* // Нева. 1989. № 10. С. 89.
- 18 Например, см.: Иванова Н. Смерть и воскресение Доктора Живаго // Юность. 1988. № 5. С. 78–82; Выступление С. Залыгина // Литературная газета. 1988. № 20 (18 мая). С. 5; Князева М. Гамлет XX века // Комсомольская правда. 1990. № 34/35 (10 февраля). С. 6. Материалы дискуссий, на которых подчеркивалось значение схемы Лихачёва: «Доктор Живаго» вчера и сегодня // Литературная газета. 1988. № 24 (15 июня). С. 3; Обсуждаем роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго» // Вопросы литературы. 1988. № 9. С. 54–129.

интеллигенции еще до 1953 г., то в годы реабилитации и канонизации актуализировались нарративы об особом его прозрении будущего России. Подчеркивалось, что он смог предсказать сталинизм, пропустить его через собственное мироощущение и описать так, «как мы описываем его сегодня»¹⁹. Более того, рефлексия, сформулированная лирически, воспринималась как попытка преодолеть страдания страны посредством борьбы с ложью и уходом во внутреннюю честность²⁰. Таким образом формулировалась специфическая пастернаковская героизация в общественно-политическом контексте, сводившаяся к предствлению об особом чувстве свободы. Суть его описывалась в метафоре «торжества жизни», «непобедимый ход» которой встраивался в перестроечные идеологические рамки. Наиболее показательную характеристику этого процесса можно обнаружить в полемическом блоке в «Вопросах литературы», данную В. Воздвиженским. Он синтезировал творчество поэта и день настоящий: «роман предвещал торжество жизни над всеми попытками обезличить ее. Из-под глыб позднесталинской и постсталинской эпохи предсказывалось возвращение жизни к ее норме, к тем естественным началам общественного бытия людей, которые действительно начинают возвращаться к нам под именем гласности, демократизации, перестройки»²¹.

Но несмотря на то, что большая часть текстов-переосмыслений Пастернака была направлена на подчеркивание актуальной для современности поэтики в романе и в других его работах, существовали и критически настроенные заметки. Главный редактор «Вопросов литературы» Д. Урнов заключал, что поскольку поэт вышел из разряда предателей и попал в список жертв, была создана парадоксальная ситуация — «грубые и зашатавшиеся нападки на Бориса Пастернака послужили для его произведения надежной защитой от серьезной критики». Более того, отказываясь от новой версии связки «Пастернак — Живаго» и превалирующую

19 Озеров Л. Время и вечность // Сельская жизнь. 1990. № 34 (10 фев.). С. 4.

20 О поэтике, «борьбе с ложью» и «внутренней честности» см.: Готгельф И. И только в этом его победа // Медицинская газета. 1990. № 11 (11 фев.). С. 4; Евтушенко Е. Почерк, похожий на журавлей // Литературная Россия. 1989. № 5 (3 фев.). С. 16; Франс В. С. Водяной знак. Поэтическое мировоззрение Бориса Пастернака // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 72–76.

21 Воздвиженский В. Проза духовного опыта // Вопросы литературы. 1988. № 9. С. 97.

щей в печати интенции о прозрении и чувстве свободы в лирике, Урнов подчеркивал «пороки» Живаго (в частности, «отказ от революции»), которые связывал с воспитательным процессом в детстве, основой которого стало убеждение в «особенности» и «талантливости» мальчика. Такой анализ героя переносился на важнейшее сюжетное заключение автора:

«Ему [Живаго] в голову не приходит, что, не приемля революции, он на самом деле должен быть признателен ей: только решительное потрясение, выбитость из своей колеи придали его чувствам и переживаниям некоторые краски. А то остался бы Юрочка благополучным “пупсом” до седых волос...»²²

Эта статья вызвала ряд критических выпадов в сторону ее автора от приверженцев творческой и политической реабилитации Пастернака. Е. Евтушенко интерпретировал мысли Урнова как текст, «напечатанный с опозданием на тридцать лет, когда поэта исключали из Союза писателей». В условиях риторики демократизации и обновления обличение таких взглядов представлялось ему одним из этапов в очищении советского общества и партии от «застойных» способов управлять и рассуждать²³. Позиция А. Вознесенского, председателя комиссии по литературному наследию Пастернака, была более однозначной. «Метафорическая автобиография», которой, по его мнению, является «Доктор Живаго» и стихи главного героя, — это центральное место в истории русской словесности. Поэтому он заключал: «Я за разные точки зрения. Но в мир гения, как в храм, надо входить с трепетом»²⁴.

Канонизация: виктимизация образа и метафора альтернативы

Интенция, возникшая при травле поэта, ставившая предателей государства и революции в один ряд (К. Самгина,

22 Урнов Д. «Безумное превышение сил». О романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Правда. 1988. № 118 (27 апр.). С. 3.

23 Евтушенко Е. Притерпелость // Литературная газета. 1988. № 19 (11 мая). С. 13.

24 Вознесенский А. Свеча и метель // Правда. 1988. № 158 (6 июня). С. 4.

Н. И. Бухарина и Б. Л. Пастернака)²⁵, разрушалась в годы перестройки. Интерпретация образа Клима Самгина, в связи с появлением многосерийного телефильма, была изменена кардинально. На «Ленфильме» на этапах обсуждения ленты формулировался консенсус о необходимости «реабилитации» произведения и его героя²⁶. Переосмысление роли Бухарина и вовсе стало центральным местом перестроечных общественно-политических дискуссий. Во-первых, он был реабилитирован²⁷. Во-вторых, Бухарин рассматривался как политическая альтернатива, которая была упущена²⁸. Так, отстаивалась мысль, что Бухарин был идейным наследником и продолжателем дела Ленина, а Сталин повернул развитие страны в другую сторону. В знаменитой публикации Н. Шмелёва «Авансы и долги» возврат к идеям «любимца партии» интерпретировался как необходимость, без которой перестройка системы невозможна²⁹. В партийной риторике подобный подход также имел важное значение³⁰, поскольку для возврата к «истинному» Ленину³¹ не-

-
- 25 Их имена как сравнительные образы для описания «предательства» Пастернака использовались в: Гнев и возмущение. Советские люди осуждают действия Б. Пастернака // Литературная газета. 1958. № 131 (1 ноя.). С. 3. Об осмыслении романа М. Горького «Клим Самгин» в СССР см.: Porus V. The Life of Klim Samgin. Maxim Gorky's Last Will and Testament // Russian Studies in Philosophy. 2019. Vol. 57. Is. 5. P. 398–414. О влиянии Горького на формирование соцреалистического канона см.: Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург, 2002. С. 31–64, 123–138.
- 26 Стенограмма обсуждения фильма «Жизнь Клима Самгина» [27.11.1987] // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-257. Оп. 40. Д. 82. Л. 281. См. также: Аннинский Л. А. Жизнь, смерть и воскрешение Клима Самгина // Телевидение. Радиовещание. 1988. № 7. С. 21–27.
- 27 Постановление пленума Верховного суда СССР [4.02.1988] // Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 120.
- 28 Об идиоме «упущенная альтернатива» см.: Атнашев Т. Исторический путь, выбор и альтернативы в политической мысли перестройки около 1988 года // «Особый путь»: от идеологии к методу. М., 2018. С. 189–242; Atnashev T. Transformation of the Political Speech under Perestroika Rise and Fall of Free Agency in the Changing Idioms, Rules and Second-order Statements of the Emerging Intellectual Debates (1985–1991): PhD diss. Florence, 2010. P. 192–215. Также о пересборке исторических нарративов в годы перестройки см.: Шерлок Т. Исторические нарративы и политика в Советском Союзе и постсоветской России. М., 2014. С. 51–151.
- 29 Шмелёв Н. Авансы и долги // Новый мир. 1987. № 6. С. 142–158.
- 30 Впервые о переосмыслении бухаринских идей о необходимости развития кооперативных форм хозяйствования заявил М. С. Горбачёв в докладе, приуроченному к 70-летию Октябрьской революции: Горбачёв М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987.
- 31 О концепте «истинный Ленин» в годы перестройки см.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2016. С. 572–583; Yurchak A.

обходимы были образы, прокладывающие «обновленный» путь к коммунизму.

В конъюнктуре подобных историко-политических обсуждений инверсия связки «Пастернак — Живаго» обретала новые значения, поскольку прошлые образы-ассоциации предателей переосмыслились, пересекая друг друга. Синтез перестроечных «Бухарина» и «Пастернака» базировался на обращении к истории I съезда советских писателей в 1934 г. В документальном фильме «Мело, мело по всей земле» (1988) их связь строилась на основании данной Бухариным характеристики, согласно которой «Пастернак оригинален, бесконечно далек от шаблонов, трафаретности, рифмованной прозы»³². Тезисы в его докладе о Пастернаке как о «первом советском поэте» для перестроечных авторов стали свидетельствами того, что существовала их «значительная духовная близость» и смежность идей о развитии страны³³. Литературовед Л. Флейшман отмечал, что такая модель видения советской литературы, ядром которой становились произведения Пастернака, стала возможной в результате «либерального» союза Бухарина, Горького и Пастернака. Он также подчеркивал, что «любимец партии» видел в поэте честного и независимого соратника государства и воплощение собственной моральной и политической программы³⁴.

Для обоснования «сближения» Бухарина и Пастернака также использовался эпизод с арестом О. Мандельштама в мае 1934 г., в котором оба делали попытки если не спасти, то смягчить участь автора «Мы живем, под собою не чуя страны...»³⁵. В перестроечных нарративах активно развивались сюжеты о том, что Пастернак был покровителем гонимых творческих личностей, положение которых провоцировало его собственные страдания³⁶. Эту деталь очень точно подметила литературовед

The canon and the mushroom. Lenin, sacredness, and Soviet collapse // Hau: Journal of Ethnographic Theory. 2017. Vol. 7. Is. 2. P. 165–198.

32 Д/ф «Мело, мело по всей земле» (ЦСДФ, реж. З. Фомина, 1988).

33 Баяевский В. «...Мне Грузии не обойти» (К 100-летию со дня рождения Б. Л. Пастернака) // Литературная Грузия. 1990. № 8. С. 217–218.

34 Флейшман Л. Пастернак и Бухарин в тридцатые годы // Дружба народов. 1990. № 2. С. 249–259.

35 Там же.

36 СобираТЕЛЬНЫЙ в этом смысле нарратив был предложен в д/ф «Вспоминая Бориса Пастернака».

Н. Иванова, которая отождествляла бедствия гонимых поэтов и ставила в их ряд Пастернака:

Вот за боль спасибо, что — чувствую,
 Благодарна, Борис Леонидович. <...>
 И всегда ценилось на Родине
 Слово, если за ним страдание.
 Жизнью платили жизнелюбивые,
 Пылинки с мгновений сдувавшие словом:
 Марина, Анна, Осип Эмильевич,
 Вы... В челне вас было немного³⁷.

В потоке подобных параллелей А. Вознесенский, выступая на вечере памяти поэта, сформулировал знаковый тезис для ре-интерпретации его образа и наследия:

Мы говорим сейчас об альтернативе Сталину, мы говорим, например, о Бухарине, Рыкове. Конечно, это были политические альтернативы ... но духовной альтернативой Сталину и тоталитарному режиму был, конечно, Пастернак. Время выбрало его. Это извечная русская альтернатива — поэт и царь. Но с Пастернаком время выпало не только на сталинский период, когда пришел второй царь (речь об Н. С. Хрущёве. — А. М.), другого порядка... Наполовину он был новый человек, наполовину метастазы сталинизма в нем. Пастернак это знал. <...> Это была духовная альтернатива. Пастернак стал политической фигурой, будучи самым аполитичным поэтом³⁸.

В качестве иллюстрации своих воззрений А. Вознесенский создал плакат, посвященный поэту и приуроченный к его 100-летию юбилею³⁹. Используя риторику общественно-политического дискурса и характеризуя свой замысел, он отмечал, что самый

37 Иванова Н. «Борис Леонидович, вторжение простите...» // Медицинская газета. 1990. № 11 (11 фев.). С. 4. О «страданиях» Пастернака как основании «причислить поэта к великомученикам русской литературы XX века» см.: *Колодный Л.* Вечности заложник // Московская правда. 1989. № 164 (16 июля). С. 3.

38 Д/ф «Вспоминая Бориса Пастернака» (1990).

39 Был отпечатан в издательстве «Плакат». Об этом см.: *Вознесенский А.* Век Пастернака // Московские новости. 1990. № 6 (11 фев.). С. 14.

аполитичный поэт не только повлиял на мировую историю, но и формирует нынешнюю реальность⁴⁰.

Помимо поиска в «ошибках прошлого» «альтернатив» важным аспектом перестроечной действительности стал еще вопрос о том, как определять тех, кто «виновен» в злоупотреблениях прямо или косвенно. Одним из первых акторов вскрытия «нарывов» в деле Пастернака стал журнал «Горизонт», где была опубликована стенограмма московского собрания писателей от 31 октября 1958 г., когда он был лишен звания советского писателя⁴¹. Согласие с необходимостью проговаривания имен было подхвачено авторами документального фильма «Вспоминая Бориса Пастернака» (1990). В ленте демонстрировались портреты литераторов, осудивших Пастернака, а также процитированы их слова из стенограммы, опубликованной в «Горизонте». При этом словами Е. Евтушенко передавалась мысль, что основа для травли была создана следствиями преступлений 1930-х гг.: «37-й год сидел уже не в нашем мозгу, а уже в спинном мозгу. Мы были все отравлены шпиономанией, врагоманией холодной войны»⁴². Этот довод развивался в других изданиях, авторы которых отмечали, что даже если бы верхи не настаивали на травле, то она все равно бы произошла⁴³. При этом, безусловно, центральным тезисом придания гласности имен и их высказываний становилась идея о необходимости недопущения подобного в настоящем и будущем. Историк Н. Прошунин в контексте дела Пастернака косвенно отвечал на вопрос о значимости всеобщего покаяния, циркулировавшую вокруг знакового для эпохи фильма Т. Абуладзе «Покаяние»⁴⁴. Комментируя публикацию стенограммы, он заключал, что необходимо не просто «извлечь урок» из случившегося и не допустить подобную «несвободу», но и уяснить, что «мера вины, если и все виноваты, все-таки бывает различна. Каждому — по делам его»⁴⁵.

40 Свеча Пастернака // Правда. 1990. № 40 (9 фев.). С. 8.

41 Стенограмма общесоветского собрания писателей 31 октября 1958 года // Горизонт. 1988. № 9. С. 37-64.

42 Д/ф «Вспоминая Бориса Пастернака».

43 Например, см.: Никифорович Г. Право быть другим // Даугава. 1988. № 1 С. 79-82.

44 О «всеобщем покаянии» в контексте фильма см., например: Кардин В. Дорога, не ведущая к храму // Искусство кино. 1987. № 3. С. 40-49.

45 Прошунин Н. Предостережение. Заметки из «зала суда» над Пастернаком // Советская культура. 1988. № 130 (29 окт.). С. 6.

Тема оглашения имен также не обошла и поэзию, посвященную Пастернаку. Большая часть этих работ была создана до публикации «Доктора Живаго» на родине писателя, но издана только в эпоху «революционного обновления». Написанное А. Галичем в Переделкино в 1966 г. произведение «Памяти Пастернака» напрямую указывает на важность «проработки» литераторов, «поднявших руку»:

И кто-то, спяну, вопрошал:
— *За что? Кого там?*
И кто-то жрал, и кто-то ржал
Над анекдотом...
Мы не забудем этот смех
И эту скуку!
Мы — поименно! — вспомним всех,
Кто поднял руку!..⁴⁶

Риторика вины и ее обличения в контексте дискуссий времени сопрягалась с представлениями о том, что настоящее прочно порвало связь времен с прошлым, с историей, за которую всем должно быть стыдно. Основой минувшего считался сталинизм и слепое следование командно-административным правилам и иерархиям⁴⁷. То есть полагалось, что они заложили фундамент для организации травли, проведения репрессий и исключения из действительности «лучших образцов достижений человека». Этим сюжетам, в частности, были посвящены произведения Г. Плисецкого «Памяти Пастернака» и Б. Чичибабина «Клянусь на знамени веселом».

46 Галич А. Памяти Пастернака [1966] // Литературный Киргизстан. 1988. № 5. С. 58–59.
47 Особенности концепта «командно-административная система» были сформулированы в: Полов Г. С точки зрения экономиста // Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 54–65.

И не по старой ли по привычке
 невежды стали наготове
 навешать всяческие лычки
 на свежее и молодое?
 У славы путь неодинаков.
 Пока на радость сытым стаям
 подонки травят Пастернаков, —
 не умер Сталин!
 А в нас самих труслив и хищен,
 не дух ли сталинский таится,
 когда мы истины не ищем,
 а только нового боимся?⁴⁸

Бывало мне больно, бывало несытно,
 но этого мало — сегодня мне стыдно.
 Какое нам дело, что скажут потомки?
 Поэзию в землю зарыли подонки.
 Мы славу свою уступаем задаром.
 Как видно, она не по нашим амбарам.
 Как видно, у нас ее край непочтатый —
 поэзии истинной — хоть не печатай!⁴⁹

В оригинальной статье в «Литературном обозрении» Вл. Новиков обращался к нетривиальной теме в контексте травли, вины и называния имен: к истории «Пастернака» в пародиях и эпиграммах. Рассуждая о стилистике подобных произведений, автор замечал, что их тон отчасти был сформулирован в 1930-е гг. — «коллеги поэта отдавали себе отчет в значительности его дарования, ... но присутствие столь масштабного мастера лишает психологического комфорта обладателей скромных талантов». Поэтому в шутливой форме начал транслироваться образ «эстета, оторвавшегося от жизни», который в 1958 г. заиграл новыми красками. Новиков призывал к необходимости более детального разбора работ этого жанра, «уже никак не влиявших» на Пастернака, а только проливающих свет на их авторов. «Время пародий и эпиграмм на Пастернака миновало. Но продолжается эпоха цитирования, перефразирования, творческого применения его строк, выражений, образов. ... Пастернаковское слово стало не только частью поэзии, но и самой жизни. А потому — диалог литературы с Пастернаком будет продолжаться бесконечно»⁵⁰.

Любопытным примером в плане обсуждения обличителей прошлого стала статья филолога А. Куприянова в «Молодом коммунисте». Начинается она с предыстории о том, что в учебной

48 Чичибабин Б. Клянусь на знамени веселом [конец 1950-х] // Литературное обозрение. 1988. № 11. С. 54.

49 Плисецкий Г. Годы и стихи [июль 1960] // Дружба народов. 1989. № 6. С. 11.

50 Новиков Вл. Отзвуки и гримасы. Пастернак в пародиях и эпиграммах // Литературное обозрение. 1990. № 3. С. 105–112.

Рис. 2.

*Белов П. А. Пастернак. 1986. (Смелянский А.
По зову души // Огонек. 1988. № 28. С. 17.)*

работе конца 1960-х гг. некий студент писал, что Пастернак глубоко заблуждался в своем политиканстве, отрешенности от общества и заточении в башне из слоновой кости. Поэтому исключение из Союза писателей называлось позорным, но справедливым. Но тут же Куприянов признаётся, что именно он был тем студентом, который писал это, потому что «такой подход считался само собой разумеющимся». Но уже в процессе последующего изучения он осознал, что такой вывод противоречил как самому творчеству Пастернака, так и формам проявления его гражданской позиции. Более того, Куприянов, как и авторы, процитированные выше, возводил генеалогию травли к 1930-м, когда на «Пастернака навешали ярлыки» и когда сформировалось пространство для их последующего инерционного циркулирования. Поэтому, констатировал он, пришло время покаяния за ошибки прошлого, требующее «сказать друг другу (и в первую очередь самому себе) правду. <...> Нам всем еще долго идти по его (Пастернака. — А. М.) живому следу и отдавать, отдавать долги. Идя по его живому следу, попытался и я хоть в какой-то мере отдать долги своей студенческой молодости»⁵¹.

Практики мемориализации Пастернака

Тема призыва к покаянию и виктимизации Пастернака дополнялась также непосредственной мемориализацией пространств и производством канонизированных текстов, сопряженных с наследием Пастернака. В феврале 1987 г. начала свою работу комиссия по литературному наследию Б. Л. Пастернака, сыгравшая немаловажную роль в процессе организации коммеморативных актов. Председателем организации был избран А. Вознесенский, а ответственным секретарем — сын поэта, Е. Пастернак. Фактически основной нарратив комиссии в объяснении легитимности своей деятельности был выражен в письме литературоведа А. А. Урбана, который из-за командировки в Монголию не мог присутствовать на заседании. Согласно его главному тезису, необходимо было сделать так, чтобы «шедевры пастернаков-

51 Куприянов А. Отдавая долги... // Молодой коммунист. 1990. № 5. С. 77–85.

ской лирики можно было бы, как газету, купить в киоске»⁵². Это стремление становилось основным в работе комиссии и расценивалось как «борьба» со злоупотреблениями и несправедливостями прошлого. Также большое значение придавалось публикации книг, газетных и журнальных статей, посвященных творчеству Пастернака, его конкретным произведениям и рецепциям их прошлого⁵³. В этом направлении как комиссией, так и редакциями крупных издательств и журналов проводилась обширная работа по изданию воспоминаний о поэте⁵⁴. Также в решении по итогам первого заседания выражалось важным опубликовать тексты о связи Пастернака с жертвами политического режима в прошлом⁵⁵. Фактически сближение крупных фигур литературной жизни прошлого, в том числе по политическим мотивам, работало на героизацию и виктимизацию их образов в настоящем.

Несмотря на значительный вклад перестроечных литераторов в издание работ, направленных на реинтерпретацию образа Пастернака, одна из наиболее значительных была издана его сыном. Книга Е. Б. Пастернака была построена на основании обширного корпуса источников семейного архива, материалов, хранящихся в архивах не только СССР, но и Англии⁵⁶. В работу вошли воспоминания известных литераторов, поэтов «младшего поколения» и близких писателя; письма, неопубликованные ранее в периодических изданиях эпохи, а также малоизвестные переводы, сделанные Б. Пастернаком. Автор «Материалов к биографии» настаивал, что книга на самом деле писалась около

52 Письмо А. А. Урбана комиссии по литературному наследию Б. Л. Пастернака [3.02.1987] // РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 5. Д. 855. Л. 3-4.

53 См.: Решение комиссии по литературному наследию Б. Л. Пастернака [12.02.1987] // Там же. Л. 10.

54 Например, знаковыми воспоминаниями, впервые опубликованными в СССР, стали тексты Н. Вильмонта (Новый мир. 1987. № 6), А. Гладкова (Октябрь. 1990. № 3), В. Шаламова (Встречи с прошлым. 1988. Вып. 6) и др.

55 По этому поводу публиковались переписки Пастернака, например, с А. Эфрон (Знамя. 1988. № 7), М. Цветаевой (Дружба народов. 1987. № 9), В. Шаламовым (Юность. 1988. № 10) и др. Кроме того, в ряде материалов строился нарратив о прочной связи творчества Пастернака с идеями и методами О. Мандельштама, А. Ахматовой и М. Булгакова, например: *Гинзбург Л.* Мандельштам и Пастернак в читательском восприятии 20-х годов // Даугава. 1989. № 1. С. 92-95; *Подгаецкая И. Ю.* Генезис поэтического произведения // Известия АН СССР. Серия литература и язык. 1990. Т. 49. № 3. С. 203-212; *Пикач А.* «Так вот когда мы вздумали родиться...» // Звезда. 1989. № 6. С. 182-194; *Чудакова М.* Пастернак и Булгаков: рубеж двух литературных циклов // Литературное обозрение. 1991. № 5. С. 11-17.

56 *Пастернак Е. Б.* Борис Пастернак: Материалы для биографии. М., 1989.

тридцати лет и была закончена еще в 1985 г. Книга создавалась, «чтобы человек, который пожелает узнать и понять Пастернака, — школьный учитель, видимо, в первую очередь, смог опереться на объективные документальные сведения и факты»⁵⁷.

Также комиссией по литературному наследию было решено проводить ежегодные конференции под названием «Пастернаковские чтения»⁵⁸ и организовать большую итоговую конференцию в 1990 г., посвященную юбилею поэта⁵⁹. Кроме того, в сотрудничестве с иностранными коллегами были организованы мероприятия, приуроченные к столетию, в Оксфорде и американских университетах⁶⁰.

Не менее важным аспектом повестки деятельности комиссии и иных акторов стало проведение мероприятий, приуроченных к 100-летию юбилею поэта, а также создание конкретных пространственных ландшафтов памяти. Одним из таких сюжетов стала попытка выяснить дом, в котором родился писатель, чтобы поместить его на карту мест Пастернака. Так, писатель Л. Колодный рассказывал, что по метрикам архивных дел Московского университета и письмам художников С. Иванова и В. Поленова Е. Б. Пастернак установил, что точное здание располагается на 2-й Тверской-Ямской улице, 2/3⁶¹. К юбилею поэта на здании была установлена мемориальная табличка⁶².

Еще одним сюжетом перестроечной мемориализации Пастернака стало создание памятных пространств, связанных с творчеством поэта в прошлом. Например, период эвакуации в годы Великой Отечественной войны стал тем периодом, к которому было обращено пристальное внимание. Проведенное в 1941–1943 гг. время в Чистополе, где были написаны такие знаменательные стихотворения, как «Памяти Марины Цветаевой», «В доме

57 Дойти до сути. Интервью С. Парамоновой с Е. Пастернаком // Учительская газета. 1990. № 6 (фев.). С. 11. Обзорную статью о книге см.: «Столетье вышло из его опеки» // Московская правда. 1990. № 33/34 (9 фев.). С. 7.

58 Материалы о чтениях см.: Планы мероприятий // РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 5. Д. 859; Радзишевский В. «...И творчество, и чудотворчество» // Литературная газета. 1989. № 9 (1 марта). С. 6.

59 О конференции см.: *Благов Д. А.* Конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Б. Л. Пастернака // Русская литература. 1990. № 3. С. 218–222.

60 Об этом говорил Е. Б. Пастернак в: Дойти до сути. С. 11.

61 *Колодный Л.* Дом Пастернака // Московская правда. 1988. № 49 (28 фев.). С. 4.

62 Как сообщал А. Вознесенский, открытие таблички должно было состояться 11 февраля 1990 г.: *Вознесенский А.* Век Пастернака. С. 14.

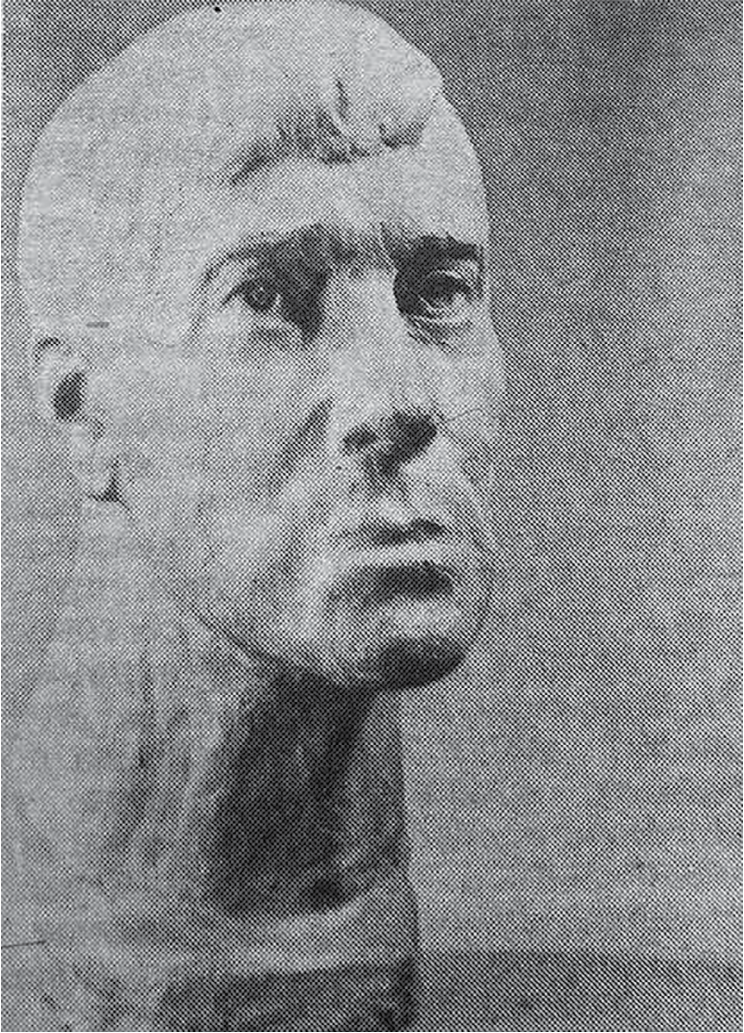

Рис. 3.

*Масленникова З. Скульптурный портрет Б. Л. Пастернака. 1960.
(Масленникова З. Таинственный портрет в незавершенной прозе // Книжное обозрение. 1990. № 5 (2 фев.). С. 9.)*

Авдеевых» и др. — было «нанесено» на пастернаковский ландшафт эпохи «революционного обновления». В городе был создан мемориальный музей, инициированный городским клубом любителей истории и литературно-краеведческим клубом «Поиск», организованным на базе местной средней школы № 16⁶³. Эти сообщества также занимались организацией на иных городских площадках цикла вечеров, читательских конференций и тематических выставок, лейтмотивом которых становился концепт «нравственного подвига» по написанию «Доктора Живаго» и его публикация⁶⁴.

В Ленинграде к 100-летию юбилею были организованы тематические выставки в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и в недавно открытом Музее А. Ахматовой в Фонтанном доме⁶⁵. Посетителям была предоставлена возможность ознакомиться с аутентичными публикациями произведений Пастернака, включая экземпляр первого издания «Доктора Живаго», который был изъят таможней на границе и передан на хранение в ГПБ⁶⁶. Кроме того, в Музее А. Ахматовой был представлен бюст Бориса Леонидовича, исполненный З. Масленниковой в 1960 г.

Обе выставки были связаны общим нарративом об особом понимании Пастернаком природы искусства. Ленинградский поэт А. Кушнер отмечал, что так поэт «оставил нам, потерявшимся в конце XX в. в сложности проблем, спасительную формулу — “счастье существования”»⁶⁷. То есть акты коммеморации в Ленинграде были встроены в распространенный дискурс о «спасительной»/альтернативной роли Пастернака для отечественной культуры и политической системы.

Встречи и выставки, посвященные истории Пастернака и его творчеству проходили не только в рамках работы комиссии или в контексте юбилейных мероприятий. Например, в конце

63 О значимости обращения к творчеству Пастернака и других «жертв режима» в школе отмечал В. Смолицкий: *Смолицкий В. Живой — и только!* // Учительская газета. 1990. № 6 (фев.). С. 11.

64 Из речи учителя средней школы № 16 и руководителя клуба «Поиск» Н. С. Харитоновой. См.: *Здесь помнят поэта* // Учительская газета. 1990. № 6 (фев.). С. 11.

65 Об открытии Музея А. А. Ахматовой в Фонтанном доме см.: *Полова Н. «Разлучение наше мнимо...»* // Искусство Ленинграда. 1989. № 6. С. 37–43.

66 *Ломакина И. О счастье существования. 100-летию Бориса Пастернака посвящены выставки в Ленинграде* // Учительская газета. 1990. № 7 (март). С. 11.

67 Там же.

февраля 1989 г. в Центральном доме кинематографистов в Москве состоялся вечер памяти, где были использованы основные элементы перестроечного активного вспоминания его образа: обсуждение и проговаривание роли виновников травли, подчеркивание особой поэтики и влияния лирики на русскую словесность, значимость поступка самим фактом написания и публикации «Доктора Живаго», а также тонкое чувство Пастернаком репрессивной конъюнктуры прошлого, сочетавшееся с идеей «счастья существования». Это проговаривание сопрягалось с еще одной формой коммеморации — просмотром кинопроизведений о жизни писателя. В начале вечера был показан фрагмент документальной ленты «Мело, мело по всей земле» (1988)⁶⁸, которая стала первым кинопроизведением, осмыслявшим контекст травли⁶⁹. Но центральным для мероприятия стал просмотр другого фильма, ранее недоступного советским гражданам — х/ф «Доктор Живаго» (1965)⁷⁰. Картина Д. Лина характеризовалась как начало развития в творчестве кинематографистов США темы личности, попавшей «стремительно в поток исторического и социального времени, в поток критических социальных катаклизмов и переломов ... [поэтому нам необходимо быть] не слишком педантичными и необъективными критиками, [а стоит] поблагодарить великого английского режиссера за то, что он первым позволил нам с экрана читать прозу “Доктора Живаго”»⁷¹.

Но критика времени все же не была благосклонна к оценке этого произведения. Е. Евтушенко, подчеркивая, что запад почувствовал, но не совсем понял замысел Пастернака — «восточный красавчик (О. Шариф, сыгравший главную роль. — А. М.) слишком рахат-лукумен для того, чтобы быть русским предреволюционным интеллигентом Доктором Живаго, воспитанным на Толстом, Достоевском, Чехове. <...> [А] киноверсия [Лары] при великолепной музыке и игре Джули Кристи была все-таки сентементализирована и упрощена»⁷². Соответственно, по Евтушенко,

68 Д/ф «Мело, мело по всей земле».

69 Запись встречи, посвященной памяти Б. Л. Пастернака в ЦДК [28.02.1989] // Российский государственный архив фонодокументов (РГАФД). Ф. 176. Оп. 10м. Д. 19. Тр. 4.

70 Х/ф «Доктор Живаго» (США, Великобритания, Италия, реж. Д. Лин, 1965).

71 Там же.

72 *Евтушенко Е.* Почерк, похожий на журавлей // *Литературная Россия.* 1989. № 5 (3 фев.). С. 16.

единственный путь познания «истинной» роли Пастернака — создать свои интерпретации, обращенные к биографии личной и литературной (в том числе и в контексте кино).

Такую же логику транслировали в «Искусстве кино». Киновед Е. Карцева, методично проходя по неточностям бытоописания и деталям исторического контекста, заключала, что этот фильм был обречен на творческую неудачу, поскольку, во-первых, в обсуждение на западе был интегрирован политический контекст, и, во-вторых, Лином по незнанию «русской души» философская концепция романа была обеднена, а «глубокая духовная драма идей переведена в драму житейскую»⁷³.

Еще один любопытный случай, связанный со стремлением «внутреннего» осмысления творчества писателя, случился в 1988 г., когда в «Совинформфильм» с инициативой съемки художественного кинопроизведения о судьбе Б. Л. Пастернака обратилась одна американская фирма⁷⁴. Однако председатель Госкино СССР А. И. Камшалов в ответе использовал тезис о том, что только отечественные специалисты способны «исторически верно» интерпретировать наследие автора «Доктора Живаго» на экране, поэтому «представляется целесообразным, чтобы инициатива принадлежала работниками нашей страны, непосредственно знакомым с общественно-культурной ситуацией, сложившейся в стране в 40–50-е годы и способным исторически верно воссоздать и облик времени, и образ поэта»⁷⁵.

Собственный фильм все же появился к юбилею поэта. Однако полностью «отечественным» его назвать трудно, поскольку снимался он образованной в 1989 г. кооперативной студией «Русское видео» (Ленинград) совместно с британской кинофирмой Antelope Films. Картину «Пастернак» (1989)⁷⁶ срежиссировал А. Некрасов, покинувший СССР в 1970-е гг. и работавший для британского телевидения. Права на этот фильм в итоге принадлежали телеканалу Granada Television, несмотря на то, что большая часть работ была осуществлена советскими специалистами. Поэтому премьеры в СССР прошла со значительной задержкой

73 Карцева Е. «Доктор Живаго»: Роман и фильм // Искусство кино. 1990. № 2. С. 124.

74 К сожалению, из материалов дела неизвестно о том, что именно это была за фирма.

75 Ответ А. И. Камшалова председателю В/О «Совинфильм» А. К. Сурикову [07.04.1988] // РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 1. Д. 1986. Л. 28.

76 Х/ф «Пастернак». В СССР демонстрировался под названием «Другая драма».

Рис. 4.

На съемках х/ф «Другая драма» (1990).
У камеры — режиссер Андрей Некрасов.
(Соловцова М. Гороскоп на год Пастернака //
Кадр. 1990. № 15 (17). С. 3.)

и случилась только в начале 1990 г., тогда как в мировой прокат лента была выпущена в сентябре 1989 г.⁷⁷

Несмотря на недовольство в кругах интеллигенции отсутствием «собственного» художественного кино воплощения Пастернака, «Другая драма» все же, во-первых, отразила тенденции перестроечной реинтерпретации связки «Пастернак–Живаго» и, во-вторых, стала свидетельством неугасающего интереса на западе к фигуре поэта. Эти два аспекта указывают на то, что виктимная героиня образа Пастернака подходила не только для «внутреннего потребления». История с травлей, ее политический аспект, ее последствия подогревали интерес к поэту за границей как при жизни, так и после его смерти. В этом смысле сторонники реабилитации и публикации «Доктора Живаго» в СССР поспособствовали тому, чтобы ЮНЕСКО объявила юбилейный 1990 год годом Пастернака — во всемирном масштабе⁷⁸. Нобелевский комитет уже летом 1988 г. отправил в Москву диплом о премии, а в следующем году на торжественном заседании была вручена медаль членам семьи поэта⁷⁹. В том числе и по этой причине особое внимание большого количества акторов уделялось подготовке торжественных мероприятий, приуроченных к 10 февраля, поскольку активное вспоминание поэта работало не только на переосмысление собственного прошлого, но и на закрепление убежденности иностранцев в успехе «нового мышления».

Музей в Переделкине как пространство памяти и столкновения интересов

Переделкино и Пастернак — ассоциация, возникшая намного раньше, чем была объявлена эпоха «революционного обновления» и постулировалась необходимость переосмысления ошибок прошлого⁸⁰. Цитированное в этом тексте стихотворение

77 Соловцова М. «Гороскоп на год Пастернака» // Кадр. 1990. № 15 (17 сент.). С. 3.

78 Об этом см: Доклад Е. Евтушенко на VIII съезде писателей СССР // Восьмой съезд писателей СССР (24 июня — 28 июня 1986). Стенографический отчет. М., 1988. С. 361.

79 Пастернак Е. Хроника прошедших лет // Знамя. 2008. № 12. С. 135–165.

80 В тексте этого раздела дом Пастернака неизменно будет «сосуществовать» с дачей К. И. Чуковского, поскольку их судьбы оказались в общем контексте. Однако для более детального разбора истории дома Чуковского требуется отдельное исследование.

А. Галича, написанное в Переделкине, — один из вариантов эмоционального прочтения судьбы Пастернака через связанное с ним место. Но существовали и другие ранние стихи, в которых акцент на поэте частично переносился на дом, где и были созданы его самые известные вещи. Например, Г. Айги в работе 1961 г. синтезировал «опальность» личности и места, которые «засветятся» при соприкосновении с ними:

будто без девочки этого дома
зацокало «це»
в брошенном всеми дому!
но войду...
и засветишься
вся словно колючки испарины
непрерываема...
и узоры волненья как тени полыни
составят тебя наподобие
светлого хозяйства из переборов дыханья
и утро подробно
подробен и сад
и все при тебе
в этом доме подробны с утра
как будто возникшие каждый в отдельности только сейчас⁸¹.

Троп «оживания» был «вшит» в поэзию о доме Пастернака. Но если в произведении Айги лирический аспект был выведен на первый план, то в других работах становились первостепенными события политические. Например, в «Доме Пастернака в Переделкино» (1985) С. Капутикян тема предательства становится главной и обрамляется метафорой «продажи собственной души». При этом и «воскресение» дома, и обреченность гонителей оказываются предопределенными.

Дом... Дом еще дождется воскресения,
И только вам не избежать стыда.
Все вещи возвратятся из рассеянья,
И в дом поэт вернется навсегда.

81 Айги Г. Утро в Переделкине // Байкал. 1989. № 4. С. 70–71.

Но вы, вы, выселявшие в свирепости,
 Себя лишь выселили... И опять
 Своих имен, разбитых ныне вдребезги,
 Вам не собрать...⁸²

Образ дома, «вшитый» в биографию Пастернака, не только процветал в стихотворных изречениях, но и был связан с непосредственным практическим наполнением. Отчасти из-за того, что могила поэта расположена на местном кладбище. Почтить его память в Переделкино приезжали как иностранные политические лидеры и творческие деятели, так и советские граждане, желавшие побывать в местах гонимого Пастернака. В одной публикации отмечалось, что дом в частности и Переделкино в целом стали местами прикосновения к «высокой одухотворенности, завлекающими к себе людей и теперь»⁸³.

Но функционирование неофициального мемориального места в 1960–1970-х гг. столкнулось, как отмечалось в перестроечных текстах, со «вторжением беспощадной властной силы, также как она вторгалась в судьбу Бориса Пастернака при его жизни и уже после смерти»⁸⁴. В 1981 г. Литфондом СССР было инициировано судебное дело против семьи Пастернака. Требовалось их выселение и вынос имущества поэта. Судебный процесс длился три года и, несмотря на реакцию общественности, разрешен в пользу Литфонда. Е. Евтушенко на VIII съезде писателей в 1986 г. отмечал: дом «пытались подсунуть некоторым нашим писателям, но, к их чести, все они отказались»⁸⁵.

Вопрос о создании дома-музея Пастернака стоял остро еще в доперестроечной реальности. В публикации 1990 г. в журнале «Диалог» бывший сотрудник аппарата ЦК В. А. Печенев подчеркивал, что в 1984 г. генеральный секретарь партии К. У. Черненко, ссылаясь на многочисленные обращения родственников

82 Капутикян С. Дом Пастернака в Переделкине // Литературная Армения. 1989. № 1. С. 56–57.

83 Власов С. Безделицу позабыли // Огонек. 1987. № 40. С. 11. В этой же публикации подчеркивалось, что дом в Переделкине и могила Пастернака становились объектами притяжения не только почитателей его творчества, но и стихийных вандалов: политических или шовинистических.

84 Фомина Л. «Я поселился здесь вторично...». Репортаж из дома-музея // Московская правда. 1990. № 33/34 (9 фев.). С. 7.

85 Доклад Е. Евтушенко на VIII съезде писателей СССР. С. 360.

Б. Л. Пастернака и К. И. Чуковского, а также известных деятелей культуры, направил письмо первому секретарю правления Союза писателей Г. М. Маркову, в котором делал вывод, что «удовлетворение их просьбы было бы хорошо встречено общественностью, и, напротив, негативное решение вызовет ненужный резонанс, как в стране, так и за рубежом»⁸⁶.

Тем не менее Марков, заручившись поддержкой коллег по «цеху», ответил отрицательно. Он аргументировал такое решение тем, что в Переделкине проживало (и продолжает проживать) значительное количество видных советских писателей, внесших вклад не только в отечественную, но и в мировую литературу. Поэтому в сентябре 1985 г. совместным постановлением Министерства культуры и Союза писателей СССР было принято решение открыть на бывших дачах Б. Пастернака и К. Чуковского временную экспозицию «Литературное Переделкино», в которой предполагалось представить материалы о писателях, чья жизнь и творчество связаны с этим местом⁸⁷. За время работы временной экспозиции планировалось построить отдельное здание для общего музея. Но это было не просто директивное решение, свидетельствующее о непонимании в творческом союзе значимости мемориализации писателей. Музей Пастернака все же был открыт к его 100-летию, но за эти пять лет люди, считавшие такой акт необходимостью, прошли долгий путь, преисполненный столкновений с разветвленной бюрократической системой, которая формировала итоговое решение.

Сентябрьским решением 1985 г., помимо создания общей экспозиции, дом Пастернака передавался на баланс Государственного литературного музея на правах филиала. Музей оказывался между двумя противоборствующими силами, заинтересованными в дальнейшей судьбе дачи: 1) литературной общественностью, которая под знаменами комиссии по наследию Пастернака отстаивала необходимость создания именно

86 Печенев В. А. Поэт и вожди // Диалог. 1990. № 8. С. 100.

87 Там же. С. 101. Об этом же свидетельствует следующий материал: Безъязычная Ю. Одолеет дух добра // В мире книг. 1989. № 3. С. 23. Важный материал о начальных этапах борьбы за дачи писателей, а также сведения о стихийном этапе их музеизации до перестройки см. в: Крючков П. Дело о доме // Вопросы литературы. 2011. № 3. С. 368–439.

Рис. 5-6.

Дом поэта в Переделкине и надгробие Б. Л. Пастернака. 1990.
(Литературное обозрение. 1990. № 2.)

пастернаковского пространства; 2) структурами Литфонда и Союза писателей. Первые еще на февральском заседании 1987 г. постулировали значимость обособления, начали собираться письма от общественных деятелей для их последующей рассылки в авторитетные ведомства⁸⁸. Вторые в апреле того же года на заседании президиума Литфонда заявляли, что «Переделкино — литературный памятник, имеющий непреходящую культурную значимость ... поэтому его сохранность следует считать крайне важной общекультурной задачей»⁸⁹. Кроме того, Литфонд легитимировал избранный подход, ссылаясь на то, что создание музеев в каждой из дач противоречит уставу организации. Давление Литфонда и Союза писателей давало свои плоды еще и по той причине, что в поддержку их позиции выступало Министерство культуры СССР, в подчинении которого находился Литмузей.

В печати параллельно с пересборкой связки «Пастернак — Живаго» и канонизацией фигуры поэта развернулась кампания по критике проекта подобного музейного обобщения. Л. Алейник в «Строительной газете» жестко критиковал подход Литфонда и Союза писателей, поскольку считал, что Чуковский и Пастернак имеют особое положение в истории отечественной литературы:

Да не опасайтесь, кабычегоневышлисты: не станет Переделкино "городком музеев". Гениев негусто, с пророками в Отечестве беда. <...> Народ вершит неподкупный отбор. Идут и идут люди — с детьми, внуками к Пастернаку, к дому "дедушки Корнея". Что-то к другим дачам особого паломничества не наблюдается, но эти оба дома указаны музеями в изданных во многих странах путеводителях по СССР. Многих — но не на Родине поэтов...⁹⁰

С. Власов в «Огоньке» применял другую, не менее распространенную идиому времени, делегитимируя подход, выбранный

88 См.: РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 5. Д. 855. Л. 10; Накануне столетия поэта // Литературная газета. 1987. № 9 (25 фев.). С. 6.

89 Власов С. Безделицу позабыли. С. 11.

90 Алейник Л. «Нечего смотреть на голые стены» // Строительная газета. 1988. 11 фев. С. 4. См. также: Алейник Л. Равнодушные сторонники. Терпит бедствие народный музей К. И. Чуковского // Строительная газета. 1989. 16 ноября. С. 4.

Литфондом и Союзом писателей. Отмечалось, что строительство общего музея и перенос туда временных экспозиций из домов Пастернака и Чуковского — старый способ решения проблем административными органами:

Странная, простите, логика. Нынче мы изо всех сил боремся с уравниловкой в экономике, поняв, что ничего хорошего нам она не принесла и не принесет. А уравниловка в культуре? Предположим, что в новое здание перенесут бывшие в доме Пастернака рояль прошлого века, книги с автографами Роллана, Горького, Камю, картины Леонида Пастернака... Но как перенести туда дух?⁹¹

Противопоставление в периодике сторонников личных музеев и общего порой приобретало совершенно полярные краски борьбы «добра» со «злом»⁹². Но было бы ошибочным соглашаться с подобным взглядом. Безусловно, у Литфонда, как организации, в первую очередь, хозяйственного управления и распределения движимыми и недвижимыми ресурсами, были собственные интересы и планы на переделкинские дачи. Но помимо сил добра и зла (или наоборот) в процессе принимали участие и иные акторы, чье мнение тоже должно было учитываться. Косвенно конъюнктура процесса мемориализации Пастернака была сформирована еще на заре перестройки, первыми партийными решениями того времени. Так, в феврале 1986 г. на XXVII съезде КПСС, М. С. Горбачёв высказал известное в широких кругах стремление обеспечить к 2000 г. каждую семью отдельной квартирой или домом⁹³. Такая директива нашла отражение в документе «Основных направлений развития на 1986–2000 годы» в форме тезиса о необходимости количественного повышения строительства новых жилых комплексов⁹⁴. Решение этого социального вопроса отражалось непосредственно на планах деятельности Госстроя СССР и ведомств, занимавшихся реконструкцией и расширением жилых помеще-

91 Власов С. Безделицу позабыли. С. 11.

92 Например, так интерпретировалось открытие музея в 1990 г. в статье: Фомина Л. «Я поселился здесь вторично...». С. 7.

93 Доклад М. С. Горбачёва на XXVII съезде КПСС // Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 48.

94 Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года // Там же. С. 311–315.

ний, в частности, в Москве и Московской области⁹⁵. Таким образом, географически Переделкино оказывалось в зажатом положении: с севера Минским шоссе и городом Одинцово, а с юга — Боровским шоссе, со строящимся вдоль него Солнцевским районом Москвы, где в XII–XIII пятилетках планировалось построить жилые дома с общей площадью более 2 млн. кв. м. Об этом сигнализировал в различные инстанции как раз председатель правления Литфонда Н. А. Горбачёв. Идея общего литературного музея использовалась организацией, в частности, для обособления Переделкино и превращения поселка в особо охраняемую территорию:

Возникает естественная озабоченность — бережно сохранить все, что связано с деятельностью и культурными ценностями поселка, стремление обеспечить изучение, систематизацию, возможность для более широкого ознакомления советской общественности, для чего мы намерены построить в поселке музей "Литературное Переделкино" ... Однако происходящие сейчас изменения и тенденции в застройке близлежащих территорий чреваты тем, что в самое ближайшее время Переделкинский поселок будет поглощен, а уникальная природа — лес, речка Сетунь, Самаринские пруды, — исчезнут⁹⁶.

Такой подход оказался весьма плодотворным, поскольку республиканский Совет министров уже в мае того же года поддержал выдвинутую инициативу⁹⁷. Но для окончательного решения необходимо было время для согласования вопроса между различными инстанциями, занимавшимися массовой застройкой. Этим временем, по свидетельству того же Н. Горбачёва, решили воспользоваться местные административные органы. Согласно его отчету, не только не была приостановлена застройка Солнце-

95 Об изменении строительной политики и архитектурных решений: *Anderson R. Russia: Modern architectures in History*. London, 2015. P. 281–298. О трансформации практик функционирования городской инфраструктуры в 1970–1990-х: *Collier S. Post-Soviet Social. Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics*. Princeton; Oxford, 2011. P. 108–126.

96 Обращение Н. А. Горбачёва в Совет Министров СССР [19.04.1988] // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 150. Д. 1359. Л. 66–67.

97 В ответном письме Советом министров РСФСР подчеркивалось, что решение союзного правительства по этому поводу не требуется и достаточно исключительно республиканского или регионального: Ответ заместителя председателя Совета Министров РСФСР Ф. Табеева [03.05.1988] на запрос Литфонда СССР // Там же. Л. 69.

вского района, который стер деревню Новое Переделкино и лесные массивы, но и:

Мособлисполком и Мосгорисполком намерены передать части поселка Мичуринец, территории санатория ВЦСПС с жилыми домами и строениями, а также дом ветеранов партии с жилыми домами, санаторий МСО РСФСР и другие строения в границах его землепользования в административное подчинение Московскому городскому Совету народных депутатов. Нет сомнения, что такое решение приведет к еще более интенсивному заселению территорий, прилегающих непосредственно к писательскому городку, со всеми вытекающими отсюда трагическими последствиями как для окружающей природы, так и для самого поселка⁹⁸.

Давление со стороны противоборствующих сил (с одной стороны, Литфонда и Союза писателей СССР, с другой — общественности) в итоге принесло свои плоды. Союзный Совет министров оказывал влияние на республиканский, склоняя правительство к ускорению принятия положительного решения⁹⁹. К этому моменту, летом 1988 г., Союз писателей СССР уже вынес решение о необходимости создания музея Пастернака в Переделкине, которое было поддержано Министерством культуры СССР¹⁰⁰. Однако окончательное решение по вопросу о придании статуса памятника государственного значения, подлежащего охране, было выпущено только в январе 1990 г.¹⁰¹

К юбилейной дате, 10 февраля 1990 г., была закончена только основная часть реконструкции, которая начиналась еще в рамках проекта по общему музею¹⁰². Как отмечала заведующая музеем, Н. А. Пастернак (вдова младшего сына поэта), значительная часть работ переносилась на послепраздничный срок¹⁰³. При этом открытие все же состоялось в юбилейный день. Американский

98 Письмо Н. А. Горбачёва первому заместителю председателя Совета Министров СССР Н. В. Талызину [30.07.1988] // Там же. Л. 73.

99 См.: Письмо заместителя министра культуры СССР В. И. Казенина в Совет министров РСФСР [29.11.1989] // ГАРФ. Ф. А259. Оп. 49. Д. 2895. Л. 8–9.

100 *Безъязычная Ю.* Одолеет дух добра. С. 24.

101 Распоряжение Совета министров СССР от 25 января 1990 г. № 80-р // ГАРФ. Ф. А259. Оп. 49. Д. 2895. Л. 1.

102 *Вознесенский А.* Век Пастернака. С. 14.

103 *Фомина Л.* «Я поселился здесь вторично...». С. 7.

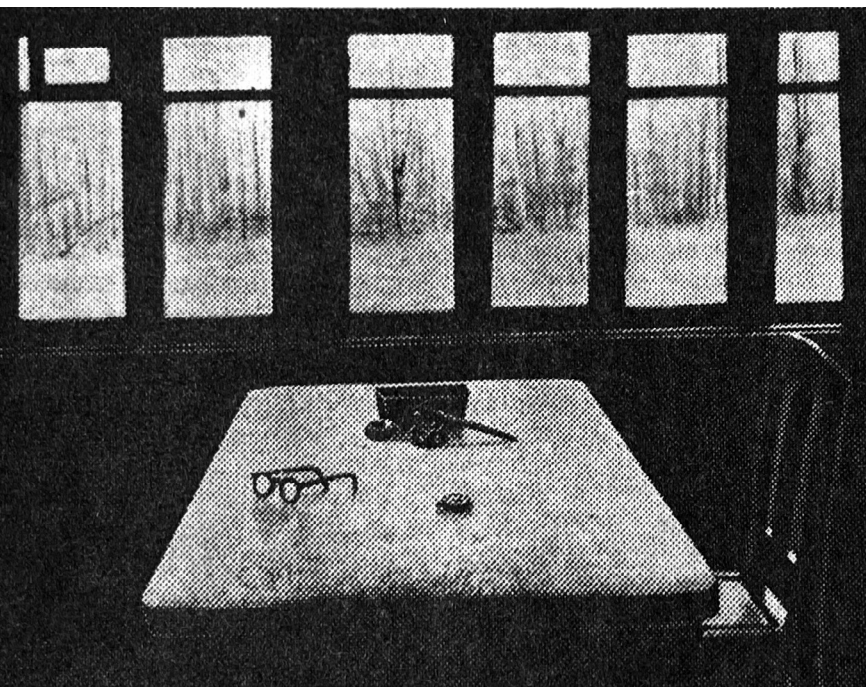

Рис. 7.

Репродукция «Рабочий стол Б. Л. Пастернака на даче в Переделкине». 1990. (Готгельф И. И только в этом его победа // Медицинская газета. 1990. № 11 (11 фев.). С. 4.)

писатель А. Миллер, включая в свою речь основные маркеры перестроечной канонизации Пастернака, так определял значимость происходящих событий:

Обнаружившее себя в тот момент (в 1958 г. — А. М.) свирепое лицо государственного контроля за художником забыть невозможно. Пастернак не боролся с этим контролем. Он совершил нечто большее — проигнорировал его. И разом потеряли смысл все потуги бюрократии от искусства ... Пусть этот дом будет символом демократических свобод и широкой свободы мысли, олицетворением которой в глазах всего мира стало творчество Пастернака. Пусть он расскажет тысячам людей о бессмертном стремлении человеческого духа к красоте, цельности и свободе¹⁰⁴.

Заключение

Реабилитация Пастернака и «Доктора Живаго» в СССР вызывала интерес в среде творческих деятелей, с энтузиазмом обсуждавших эту актуальную тему на страницах периодики. Но разговор о стилистике и художественных особенностях этой или иных работ писателя был отодвинут на второй план. На авансцену выдвигались те вопросы, которые вписывались в общественно-политическую риторику, наполненную стремлением и государства, и общественности переосмыслить все, что происходило в советском прошлом. Соответственно, травля и премия конца 1950-х становились важной составной частью разговора о новом образе поэта. Осудив «командно-административную» инерцию, критики пересобрали связку «Пастернак — Живаго», в которой оба субъекта перестали быть предателями. Напротив, они превратились в выразителей страдания страны, в прорицателей и предвестников грядущих перемен, которые воплощали собой перестройку, демократизация и гласность. Наряду с перестроечным «Бухариним», обновленный «Пастернак» стал «упущенной альтернативой». Первый в политическом контексте, второй — духовном. Кроме того, общим местом в разговорах о них стала тема вины, стыда и покаяния.

104 Миллер А. О Пастернаке // Литературная газета. 1990. № 9 (28 фев.). С. 3.

Сопоставление с «любимцем партии» и политизация творческого наследия свидетельствуют о том, что перестроечный «пантеон» был основан на виктимной героике. Такая тенденция накладывала отпечаток на негласные правила и практики ведения дискуссий на эту тему. Как демонстрирует сюжет с критической статьей Урнова, любые интерпретации, выпадавшие из признанной повестки, сопрягались с практиками политического поругания. Недостаточное признание или критика Пастернака и «Доктора Живаго» нарекались мнениями антиперестроечной направленности, поскольку, как выразился поэт А. Кушнер, «Пастернак — это пароль, по которому свои отличаются от чужих»¹⁰⁵. Любопытно, что о дихотомии «добро — зло» / «свои — чужие» свидетельствуют материалы из противоположного лагеря. На страницах «Молодой гвардии» писатель В. Бушин характеризовал политические коннотации «раболепного восхищения» в разговоре о Пастернаке как «отрыв от реальности и игнорирование объективных фактов истории» со стороны людей, «повылезших» на волне «нового мышления»¹⁰⁶.

Занимавшаяся мемориализацией Пастернака комиссия по литературному наследию вполне успешно и конструировала, и использовала политический контекст реабилитации его имени. Причем это выражалось даже в том, что акторы, не связанные с деятельностью комиссии непосредственно, пользовались тем же идиоматическим набором, что и Вознесенский, Евтушенко, Каверин и др. Повышенный накал обсуждения судьбы поэта и его главного романа, а также встраивание их в понятную дихотомию «добро — зло» побуждали редакции толстых журналов и многотиражных газет публиковать все больше материалов, посвященных теме «Пастернак и родина». Несомненно, фигура Пастернака в сравнении с другой «альтернативой» (Бухариным) была не менее заметна в годы перестройки.

Но активность выхода публикаций, политические нарративы о творчестве и практики коммеморации не более чем показатели дискурсивных трансформаций в эпоху перемен. Их

105 Кушнер А. Пример поэта // Ленинградская правда. 1990. № 33 (10 фев.). С. 4.

106 Бушин В. Если знать и помнить // Молодая гвардия. 1988. № 2. С. 269–279. См. также скептическую позицию по отношению к «повылезшим» сторонникам Пастернака в: «...Вечный вне школ и систем» // Рабочая трибуна. 1990. № 33 (10 фев.). С. 4.

изучение имеет значительный эвристический потенциал, но таит в себе коварную для исследователей ловушку: водоворот позиций и полярных изречений заставляет нас невольно делать выбор, какая же из сторон ближе к истине. Прав ли Урнов, что «Доктор Живаго» не такое уж замечательное произведение в истории отечественной литературы; или верна позиция Вознесенского о «храме гения»? Был ли Пастернак соразмерной Бухарину альтернативой или нет? И насколько вообще уместна такая идиома? Кажется, эти вопросы являются прямыми производными «войн памяти» в прошлом, вероятно еще не успокоившихся в полной мере. Поэтому мне показалось важным ограничиться выводом о создании особых ограничений на производство интерпретаций в годы перестройки; продемонстрировать проникновение «политического» в литературные дискуссии; а также отметить обширность распространения виктимной героики на примерах мемориальных проектов.

Тем не менее совершенно иной материал предоставляет нам история создания дома-музея в Переделкине. С одной стороны, она еще раз демонстрирует, как взгляды сторонников реабилитации основывались на общем «пароле», о котором декларировал поэт Кушнер. С другой стороны, это самый сложно структурированный сюжет в истории перестроечного «Пастернака», поскольку политическая апроприация литературы накладывалась на гетерогенную структуру советской бюрократии, принимавшей решение о том, что делать дальше с Переделкино. Более того, конфликт в разветвленной системе не мог решаться исключительно с опорой на какой-либо сакральный нарратив — как это было в общественно-политических дискуссиях. Как показано в разделе, в процесс освоения поселка было включено значительное количество ведомств, чьи интересы невозможно маркировать простыми ярлыками «добро» и «зло». Соответственно, в таком контексте значительно размываются обе, противоположные, позиции. К сожалению, тема создания мемориальных пространств в Переделкино слишком обширна, чтобы раскрыть ее полностью в небольшом разделе статьи о реабилитации Пастернака. Но представляется, что именно она способна осветить особенности общественно-политических дискуссий времени больше, чем демонстрация бесконечных дискурсивных войн.

ЛИТЕРАТУРА

- Атнашев Т.* Исторический путь, выбор и альтернативы в политической мысли перестройки около 1988 года // «Особый путь»: от идеологии к методу. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 189–242.
- Весёе С.* За вашу и нашу свободу. Диссидентское движение в России. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 576 с.
- Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 407 с.
- Кларк К.* Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 262 с.
- Крючков П.* Дело о доме // Вопросы литературы. 2011. № 3. С. 368–439.
- Пастернак Е.* Хроника прошедших лет // Знамя. 2008. № 12. С. 135–165.
- Шерлок Т.* Исторические нарративы и политика в Советском Союзе и постсоветской России. М.: РОССПЭН, 2014. 324 с.
- Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 664 с.
- Anderson R.* Russia: Modern architectures in history. London: Reaktion books, 2015. 256 p.
- Atnashev T.* Transformation of the Political Speech under Perestroika Rise and Fall of Free Agency in the Changing Idioms, Rules and Second-order Statements of the Emerging Intellectual Debates (1985–1991): PhD diss. Florence, 2010. 494 p.
- Clark K.* Russian Epic Novels of the Soviet Period // The Cambridge Companion to Twentieth-Century Russian Literature. New York: Cambridge University Press, 2011. P. 135–152.
- Collier S.* Post-Soviet Social. Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics. Princeton-Oxford: Princeton University Press, 2011. 304 p.
- Jones P.* Myth, Memory, Trauma. Rethinking the Stalinist Past in the Soviet Union (1953–1970). New Haven; London: Yale University Press, 2013. 362 p.
- Kelly M.* Cultural Transformation as Transdisfiguration in Pasternak's Doctor Zhivago // Russian History. 2013. Vol. 40. Is. 1. P. 68–89.
- Kozlov D.* The Readers of Novyi Mir. Coming to Terms with the Stalinist Past. Cambridge; Massachusetts; London: Harvard University Press, 2013. 436 p.
- Porus V.* The Life of Klim Samgin. Maxim Gorky's Last Will and Testament // Russian Studies in Philosophy. 2019. Vol. 57. Is. 5. P. 398–414.
- Taubman W.* Khrushchev: The Man and His Era. New York: The Free Press, 2005. 832 p.
- Yurchak A.* The canon and the mushroom. Lenin, Sacredness, and Soviet Collapse // Hau: Journal of Ethnographic Theory. 2017. Vol. 7. Is. 2. P. 165–198.
- Zubok V.* Zhivago's children. The Last Russian Intelligentsia. Cambridge; Massachusetts; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2009. 456 p.

REFERENCES

- Atnashev T.* Istoricheskii put', vybor i al'ternativy v politicheskoi mysli perestroiki okolo 1988 goda // «Osobyi put'»: ot ideologii k metodu. Moscow: New literary review Publ., 2018. P. 189–242. In Russian.

- Vess'e S. Za vashu i nashu svobodu. Dissidentskoe dvizhenie v Rossii. Moscow: New literary review Publ., 2015. 576 p. In Russian.
- Goriaeva T. M. Politicheskaia tsenzura v SSSR. 1917–1991 gg. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009. 407 p. In Russian.
- Klark K. Sovetskii roman: istoriia kak ritual. Yekaterinburg: Ural University Press, 2002. 262 p. In Russian.
- Kriuchkov P. Delo o dome // Voprosy literatury. 2011. No 3. P. 368–439. In Russian.
- Pasternak E. Khronika proshedshikh let // Znamia. 2008. № 12. P. 135–165. In Russian.
- Sherlok T. Istoricheskie narrativy i politika v Sovetskom Soiuze i postsovetskoi Rossii. Moscow: ROSSPEN, 2014. 324 p. In Russian.
- Yurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie. 2nd ed. Moscow: New literary review Publ., 2016. 664 p. In Russian.
- Anderson R. Russia: Modern architectures in history. London: Reaktion books, 2015. 256 p.
- Atnashev T. Transformation of the Political Speech under Perestroika Rise and Fall of Free Agency in the Changing Idioms, Rules and Second-order Statements of the Emerging Intellectual Debates (1985–1991): PhD diss. Florence, 2010. 494 p.
- Clark K. Russian Epic Novels of the Soviet Period // The Cambridge Companion to Twentieth-Century Russian Literature. New York: Cambridge University Press, 2011. P. 135–152.
- Collier S. Post-Soviet Social. Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2011. 304 p.
- Jones P. Myth, Memory, Trauma. Rethinking the Stalinist Past in the Soviet Union (1953–1970). New Haven; London: Yale University Press, 2013. 362 p.
- Kelly M. Cultural Transformation as Transdisfiguration in Pasternak's Doctor Zhivago // Russian History. 2013. Vol. 40. Is. 1. P. 68–89.
- Kozlov D. The Readers of Novyi Mir. Coming to Terms with the Stalinist Past. Cambridge; Massachusetts; London: Harvard University Press, 2013. 436 p.
- Porus V. The Life of Klim Samgin. Maxim Gorky's Last Will and Testament // Russian Studies in Philosophy. 2019. Vol. 57. Is. 5. P. 398–414.
- Taubman W. Khrushchev: The Man and His Era. New York: The Free Press, 2005. 832 p.
- Yurchak A. The canon and the mushroom. Lenin, Sacredness, and Soviet Collapse // Hau: Journal of Ethnographic Theory. 2017. Vol. 7. Is. 2. P. 165–198.
- Zubok V. Zhivago's children. The Last Russian Intelligentsia. Cambridge; Massachusetts; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2009. 456 p.